

Научная статья
УДК 61(092)(049.32)
DOI 10.37724/RSU.2023.78.1.019

**«Помните узников, как бы и вы с ними были в узах...»:
христианский путь доктора Ф. П. Гааза
(рецензия на книгу: Семененко-Басин И. В.
Доктор Гааз и христианская книга. М. : ЯСК, 2022. 192 с.)**

Светлана Анатольевна Васильева
Академия ФСИН России, Рязань, Россия
Vasi-svetlana@yandex.ru

Аннотация. В рецензии анализируется монография И. В. Семененко-Басина «Доктор Гааз и христианская книга» издательского дома «ЯСК». Автору удалось интересное, оригинальное и информативное исследование в русле современного историографического жанра — персональной истории. В книге характеризуется личность московского тюремного врача середины XIX века Фридриха Йозефа (Федора Петровича) Гааза, его профессиональная и общественная деятельность, благотворительные проекты. Особое внимание сосредоточено на анализе мировоззрения, социальной этики и экуменистических взглядов медика-филантропа.

Ключевые слова: Ф. П. Гааз, тюремный комитет, «А. Б. В. христианского благонравия», тюремное попечение.

Для цитирования: Васильева С. А. «Помните узников, как бы и вы с ними были в узах...» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 1 (78). С. 194–203. DOI: 10.37724/RSU.2023.78.1.019. — Рец. на кн.: Семененко-Басин И. В. Доктор Гааз и христианская книга. М. : ЯСК, 2022. 192 с.

Original article

**“Remember those who are in prison, as though in prison with them ...”:
the Christian path of Dr. F. P. Haas
(review of the book: Semenenko-Basin I. V. “Doctor Haas
and the Christian book”. Moscow, YaSK Publ. House, 2022, 192 p.)**

Svetlana A. Vasilyeva
Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia
Vasi-svetlana@yandex.ru

Abstract. This is a review of the monograph by I. V. Semenenko-Basin, Doctor Haas and the Christian Book, published by the YaSK Publishing House. The author succeeded in conducting an interesting, original and informative study in line with the modern historiographical genre of a personal history. The book describes the personality of Moscow prison doctor in the middle of the 19th century Friedrich Josef (Fyodor Petrovich) Haas, his professional and social activities and charity projects. Particular attention is given to analysis of the worldview, social ethics and ecumenical views of the medical philanthropist.

Keywords: F. P. Haas, Prison Committee, “A. B. C. of Christian Behavior”, prison supervision.

For citation: Vasilyeva S. A. “Remember those who are in prison, as though in prison with them ...” *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin.* 2023; 1 (78):194–203. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.78.1.019. Reviewing: Semenenko-Basin I. V. Doctor Haas and the Christian book. Moscow, YaSK Publ. House, 2022, 192 p.

Введение

В эпоху европейского Просвещения произошли радикальные изменения в системе уголовного правосудия и практиках исполнения наказаний. Определяя идеальные принципы общественного мироустройства, реформаторы старались сочетать рационалистический подход с гуманистическими идеалами и традиционными ценностями христианской этики. Состоявшийся переход от карательных традиций уголовного правосудия (публичных казней, телесных наказаний, каторги и ссылки) к парадигме исправительного наказания привел к появлению новой формы социальной институционализации — пенитенциария, или исправительной тюрьмы. Сформулированные интеллектуалами и реформаторами-практиками гуманистические принципы пенитенциарного содержания, предусматривавшие правовую защиту арестантов, их раздельное содержание по категориям, медицинское обслуживание, улучшение санитарно-бытовых условий, создание государственной пенитенциарной службы и др., стали теоретической основой широкомасштабных международных тюремных реформ XIX столетия.

Эти процессы затронули государственное строительство в Российской империи в царствование Александра I. В 1817 году в Петербург прибыл член Лондонского общества улучшения тюремного содержания Вальтер Веннинг с миссией «домогаться о распространении в России принципов, господствовавших в английском тюремном обществе» [Никитин, 1880, с. 10]. Речь шла о продолжении дела жизни знаменитого английского реформатора-пенолога Джона Говарда, деятельность которого пришлась на вторую половину XVIII века. В фундаментальном академическом труде «Оксфордская история тюрьмы. Традиция уголовного наказания в западном обществе» первый английский пенитенциарный статут 1779 года, созданный при непосредственном участии Дж. Говарда, называется результатом «поднявшегося евангелического прилива, который захватил многих сторонников реформ в конце восемнадцатого столетия» (здесь и далее курсив наш. — С. В.) [The Oxford History of the Prison, 1995, p. 77].

В предисловии к своему знаменитому труду «Состояние тюрем» Говард указывает на причины, побудившие его к деятельности в пользу узников, — «муки страждущих» и «любовь к своей стране». Автор пишет: «Я не могу наслаждаться едой и бездельем, если Провидение предоставило мне возможность смягчить страдания страждущих» [Howard, 1792, p. 2]. Подобное отношение к преступникам в свете христианских идеалов, отраженных, в частности, в Нагорной проповеди Христа, резко контрастировало с господствующей в предшествующий период социальной позицией негативного отношения к преступившим закон. Евангелисты, современные Говарду, старались вселить в верующих надежду, что Божье прощение даруется тем, кто посвящает добрые дела Богу, подавая пример бескорыстной благотворительности, исходящей от искренней любви к Богу и человеку. Подражание Христу заключалось в первую очередь в распространении веры и совершении добрых дел. Особую миссию евангелисты видели в просвещении и обращении тех, кто являлся явным нарушителем земных и небесных законов — преступников и морально падших как носителей всех пороков, которые требовалось искоренить. Английский комментатор Библии Мэтью Генри в толковании Послания апостола Павла к фессалоникийцам обращал внимание на отношение Христа к заблудшим «как к братьям, хотя Он мог бы повелевать им, как отец своим детям; Он проявляет большое милосердие и снисходительность к ним, стараясь снискать их расположение, доверие. С людьми, которых мы хотим уберечь или спасти от заблуждения, — резюмирует М. Генри, — надо обращаться с кротостью и любовью» [Генри, 2Фес., 2-я гл.].

Реформаторская риторика, зафиксировавшая границы новой модели общественного отношения к отверженным, опиралась на евангельский текст 25-й главы от Матфея, в которой Сын Человеческий предстает голодным, нищим, странствующим, болящим и узником: «ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня» (Мф. 25:42–43). И праведникам было сказано: «так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Мф. 25:45). Данный отрывок Писания наглядно представляет все категории, нуждающиеся в христианском милосердии. Тюремные арестанты всех европейских мест заключения, которые посетил и подробно описал Дж. Говард, попадали сразу под несколько рангов страждущих, так как в подавляющем большинстве были и нищими, и голодными, и нагими, и больными телесно и духовно. Так, усилиями британского филантропа в тюремной реформе «звучал мощный религиозный аргумент» [Beattie, 1986, p. 569], а именно — возможность возвращения к христианской вере тех, кто был безнадежно невежествен в этом отношении. Усилиями Говарда этот аргумент сначала был услышан на уровне общественного дискурса, что привело к формированию альтернативной модели

общественного отношения к преступившим закон, основанной на подражании любви Господа к грешникам и Его готовности простить их и принять.

Европейские реформаторы и филантропы, охваченные упомянутым «евангелическим приливом» и следуя христианскому долгу, призывали «думать о тех, кто томится в уединенной темнице, лишенный света небес и возможности общения с друзьями, и по возможности облегчать их участь» [Aitkin, 1794, p. 27]. Результатом практического воплощения подобных умонастроений и христианских идеалов в ежедневной деятельности стала институционализация системы тюремного попечения и появление первых благотворительных пенитенциарных обществ. Высоко оценивая свои шансы на успех, идеологи британского движения рассматривали Россию наилучшей после Англии «благотворительницей на земле», где «верховные начальники с честью для себя и с пользой для других единодушно подвизаются на службе религии» [Никитин, 1880, с. 10]. Действительно, практически в течение десятилетия (в 1812–1824 годы) в России для этого сложились благоприятные обстоятельства, так как, по оценкам исследователей, в это время теория христианского экуменизма приобрела статус официальной идеологии, когда в условиях предельной веротерпимости «мистико-экуменические идеи определяли характер и направление внутренней и внешней политики российского правительства» [Вишленкова, 2002, с. 136]. Сдвиг в умонастроениях был связан с трагическими событиями Отечественной войны 1812 года, одним из последствий которых стал поиск новой религиозности в лично-духовной жизни и развитие новых активных форм филантропии и благотворительности в общественной сфере. Все это в полной мере было свойственномировоззрению императора Александра I, фигура которого стала главной целью пропагандистской активности европейских реформаторов-пенологов.

Таким образом, вышеупомянутый В. Веннинг намеревался «домогаться о распространении в России» системы, разработанной «достопочтенным его соотечественником Джоном Говардом». Веннинг был убежден, что ему довелось жить в «то счастливое время, когда Божественная теплота, согревшая столь сильно сердце его, обратилась в великое пламя, оживотворила многих» [цит. по: Никитин, 1880, с. 14], и опыт духовного попечения о заключенных через «общества благомыслящих людей» распространился сначала в Англии, а потом и в других странах. В 1818 году британец изложил свои соображения в «Записке, содержащей в себе общие замечания о лучшем содержании тюрем». В качестве модели организации попечительской деятельности в Российской империи было предложено Лондонское общество, «великая цель» которого состояла в том, «чтобы исправлять преступников средствами, внушаемыми человеколюбием, то есть разлучать их с прежними сообщниками, отделять ожесточенных и упорствующих от подающих надежду к исправлению, приучать их к трудам, наставлять в разных рукоделиях; преподавать им правила Религии, снабжать исправившихся нужными видами и одобрением для вступления опять в общество честных людей, и доставлять средства к пропитанию по истечению назначенного их заточению времени» [цит. по: Там же, с. 14].

Этот документ послужил фундаментом к разработке «Правил для Попечительного общества о тюрьмах», которые были высочайше утверждены Александром I 19 июля 1819 года [Об учреждении в России Попечительного общества о тюрьмах, 1830, с. 306–314]. Согласно этим правилам, члены российского Общества попечительного о тюрьмах должны были направить основные усилия на нравственное исправление содержащихся под стражей. Обществу было предоставлено широкое участие в тюремном деле, ему вменялось в обязанность пять основных «средств исправления», указанных Веннингом в «Записке». В 1820–1830-х годах на основе Устава Попечительного общества о тюрьмах была построена система его региональных отделений — тюремных комитетов. Удивительно, что чаяниям Веннинга «оборотить Божественную теплоту», согревшую сердце английского филантропа Говарда, «в великое пламя, оживотворившее многих», суждено было сбыться в самом сердце Российской империи.

Основная часть

Вышедшая в 2022 году в издательстве «ЯСК» монография доктора исторических наук И. В. Семенов-Басина «Доктор Гааз и христианская книга» посвящена личности и общественной деятельности московского медика-филантропа Фридриха Йозефа (Федора Петровича) Гааза [Семенов-Басин, 2022]. Серьезное исследование базируется на уникальных исторических документах из пятнадцати архивных фондов, которые хранятся в восьми различных российских архивохранилищах. Автором предпринята удачная попытка создать оригинальную биографию в русле современного историографического жанра — персональной истории, «основным исследовательским объектом которой являются персональные тексты, а предметом исследования — “история одной жизни” во всей ее уникальности и полноте» [Репина, 2001, с. 7]. Такой подход

требует не ограничиваться повествованием о жизненном пути отдельного исторического персонажа, а попытаться создать историческое исследование, раскрывающее эпоху через личность. При этом героями «новой исторической биографии» становятся «рядовые» люди, деятельность которых, возможно, и не представляла особой ценности с точки зрения глобальных политико-экономических и социальных событий эпохи, но является не менее важной для понимания разноуровневого мировоззренческого ландшафта рассматриваемого периода и может «пролить свет на многие неизученные аспекты прошлого» [Репина, 2010, с. 6]. В отечественной историографии существует биографическое исследование личности и деятельности Ф. П. Гааза авторства А. Ф. Кони [Кони, 1968], которое очень долгое время оставалось практически единственным произведением такого рода.

И. В. Семененко-Басин — один из самых авторитетных специалистов в области истории религиозной культуры — рассматривает профессиональную деятельность и благотворительность главного врача московских тюрем Ф. П. Гааза как воплощение «христианского активизма филантропа» и намерений способствовать социальной любви и распространению добра в обществе [Семененко-Басин, 2022, с. 63]. По мнению автора, Гааз, будучи римокатоликом по вере, постоянно пребывал «на культурно-конфессиональной границе, в контактной зоне западного и восточного христианства», но, придерживаясь типично экуменистических взглядов, ставил медицину и благотворительность выше «методологии богословской интерпретации Писания» [Там же, с. 33, 114]. Это вполне соответствовало тем интерконфессиональным начинаниям, просветительским, библейским и филантропическим проектам, которые имели место быть в российской действительности во второй половине периода царствования Александра I. Согласимся с выводом автора о моральном единении Гааза с европейскими медиками и филантропами [Там же, с. 13], чья этика в рассматриваемый период определено была этикой христианской. Голландский историк Л. Хааконсен отмечает взаимовлияние евангельской морали и медицинской практики. Образ Христа-врачевателя помог европейским врачам сформировать особый моральный кодекс: как перед Богом все равны, как Христос врачевал и бедных, и нечестивых, так и врач должен нести моральную ответственность перед всеми слоями населения, будь то богатые или бедные, уважаемые граждане или отверженные в глазах общества преступники, наполнявшие тюрьмы [Haakonssen, 1997, p. 158]. Такого кредо придерживался в своей миссии врач Джон Говард, и в этом отношении доктора Гааза можно смело отнести к его безупречным последователям.

Фокус монографического исследования нацелен на изучение книгоиздательских инициатив доктора Гааза. Работая в Московском тюремном комитете, Гааз активно продвигал идею пастырства над заключенными, организовывал публикацию и раздачу экземпляров Евангелия и иных книг духовно-нравственного содержания. В 1835 году Гааз убеждал коллег по комитету, что из пяти вышеупомянутых средств исправления (перечислены в «Правилах для Попечительного общества о тюрьмах») считает главнейшим третье — наставление в правилах христианского благочестия [Семененко-Басин, 2022, с. 18]. Это определило его подход к проблеме отбора книжного чтения, причем не только для заключенных, но и для сотрудников тюремной администрации. В монографии подробно проанализированы более десяти произведений, к авторству или публикации которых так или иначе имел отношение медик.

Главным детищем Гааза, выдержавшим несколько переизданий, считается книга «А. Б. В. христианского благонравия». Основной целью публикации филантроп видел намерение «искоренить общенно-экспрессивную лексику, нарушающую волю Божию и унижительную для человека» [цит. по: Семененко-Басин, 2022, с. 41]. Издание включало тексты Евангелия и апостольских посланий, проповедующих христианскую любовь, кротость и прощение. Книгу, опубликованную за свой счет, Гааз раздавал уходящим из Москвы по этапу. Удивительным представляется тот факт, что филантроп даже изобрел особые сумочки для хранения книги, которые вешались на шнурке на грудь арестанту. В письме к цензору Московского комитета духовной цензуры протоиерею Ф. Голубинскому Гааз признавался, что пережил озарение: «...поскольку сквернословие оскорбляет Бога, необходимо создать некий знак, напоминающий человеку о его обязанностях...» [цит. по: Там же, с. 41–42]. В качестве подобных знаков для арестантов он предлагал подписание своего рода обязательства, включенного в книгу, «в твердом намерении соблюдать сии правила», то есть не осуждать других, не лгать, не употреблять бранных слов. На чистой полустранице при раздаче книг по просьбе Гааза умевшие писать ставили фамилии, а умевшие только читать — три креста, «придавая этим всей книжке таинственный и выразительный характер какого-то договора, нарушать который становилось и грешно и стыдно». А. Ф. Кони осторожно назвал замыслы тюремного врача «наивными», достойными «вызвать улыбку по адресу великодушного чудака» [Кони, 1968, с. 366].

По мнению И. В. Семененко-Басина, А. Ф. Кони в биографическом очерке о Гаазе нередко прибегал к риторическим преувеличениям, чем способствовал созданию литературного образа

московского тюремного врача — одинокого и героического подвижника, временами «великодушного чудака». Образ доктора Гааза, явленный на страницах монографии, представляется нам более сложным и многогранным. Для проникновения во внутренний мир этой неординарной личности, постижения глубинной мотивации его поступков автор использует методы современной исторической психологии, интерпретирует особенности религиозного опыта своего героя. Анализ эпистолярного наследия и текстуальной тематики позволил исследователю отметить пристрастие Гааза к практикам припоминания и раскаяния. К примеру, так можно понимать его предложения завести в тюрьме петуха, «который должен был своим кукареканьем регулярно напоминать арестантам о Страшном суде», или голубятню как символ «недостающей им голубиной кротости» [цит. по: Семенов-Басин, 2022, с. 19, 21].

Не беремся утверждать, что Гааз был знаком с одной из работ по организации тюремного быта именитого английского пенолога Дж. Бентама, но тем не менее отметим, что в своих рекомендациях философ-утилитарист вносил схожие предложения. Например, на дверях тюрем Бентам предлагал разместить лозунги: «Если бы Вы были трудолюбивы, когда были свободны, то не тянули бы ляжку, как рабы»; «Насилие и жульничество — дорога к рабству». Эффект последнего девиза реформатор предлагал подкрепить визуально (своего рода припоминание): по единому шаблону отлить барельеф или картину, на которой изображены волк и лиса, прикованные вместе к тяжелой телеге, и возница с кнутом. На заднем плане стая волков (символизируют насилие и жестокость) разоряет стадо овец, а лиса (хитрость и мошенничество) наблюдает за курятником [Bentham, 1778, pp. 110–112]. Обратим внимание еще на одну инициативу наглядности и припоминаний Гааза: это задумка изготовить громадные белые щиты, на которых красными буквами следовало написать различные нравственные правила и благочестивые изречения для «воздействия на заключенных вне храма» [цит. по: Семенов-Басин, 2022, с. 21]. Интересно отметить, что подобная система наглядности, когда «изречения Святого Писания, моральные притчи располагались на стенах коридоров и камер, время от времени их содержание обновлялось», была в точности озвучена на первом Международном пенитенциарном конгрессе в Лондоне в 1872 году как передовой опыт Нидерландов, который, по мнению голландского делегата, заслуживал быть рекомендованным для широкого использования [Report on the International Penitentiary Congress, 1873, p. 53]. Такие созвучные решения еще раз подтверждают вывод И. В. Семенов-Басина об идейном единении Гааза с европейскими мыслителями.

Особый интерес представляют взгляды Ф. П. Гааза на содержание профессиональной деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений. Выдающийся отечественный юрист И. Я. Фойницкий отмечал ведущую роль «тюремного персонала, стоящего лицом к лицу с арестантами», называл проблему усовершенствования института тюремной администрации «коренным вопросом тюремной политики» [Фойницкий, 1889, с. 427]. До начала XIX века говорить о существовании какого-то профессионального и постоянного аппарата управления тюрьмами Российской империи не приходилось. В период деятельности Гааза на должности главного московского тюремного врача служба тюремного смотрителя и надзирателей считалась довольно сложным и ответственным делом, сопряженным с дополнительными неудобствами, постоянным пребыванием в тюремном замке и, зачастую не являясь престижным и долгосрочным назначением, рассматривалась как временный этап в карьере. В первой общероссийской Инструкции смотрителю губернского тюремного замка 1831 года впервые нормативно определялись границы данной профессии. В отношении морально-нравственных требований к сотруднику, смотрителю замка в Инструкции лишь предписывалось обращаться с арестантами «кротко и человеколюбиво», внушать им «смирение и послушание», «соблюдать спокойствие духа и отнюдь не предаваться досаде и вспыльчивости, дабы сим самым удостоверить виновного, что делаемое ему наказание основано на справедливости». Подчиненные смотрителю тюремные надзиратели должны быть «трезвы и старательны к своей должности» [Инструкция смотрителю тюремного замка, 1882, с. 6, 19–20].

Ф. П. Гааз предъявлял строгие требования к моральному облику тюремного служащего. По мнению врача-филантропа, причины многих правонарушений в тюрьмах сокрыты в «недопустимом поведении надзирателей», которые обязаны подавать примеры благонравного поведения. Поэтому издания, отбираемые Гаазом для распространения в тюрьмах, были адресованы не только арестантам, но в первую очередь сотрудникам. В интересном сюжете о создании «знаков напоминания человеку о его обязанностях» автор монографии описывает предложение Гааза ввести денежный штраф, добровольно уплачиваемый сотрудниками тюрьмы, уличенными в произношении бранных слов, осуждаемых в издании «А. Б. В. христианского благонравия» (на арестантов требование уплаты двухкопеечного штрафа не распространялось) [Семенов-Басин,

2022, с. 39–40, 44]. Такое предложение вызвало большие сомнения у цензора текста, однако Гааз настоятельно просил сохранить это в книге, взяв всю ответственность на себя.

Таким образом, в монографии постоянно акцентируется мысль о том, как в стремлении ограничить деструктивное речевое поведение медик-филантроп хотел повлиять на характер и склад ума русского человека, опираясь на морально-религиозное обоснование братолюбия. Автор делает вывод, что замысел Гааза выдержан в традициях западного христианства и не характерен для российской духовной литературы. «А. Б. В. христианского благонравия» — это не просто поучение, «но расписка, документ, порождающий последствия», что ориентирует издание на новоевропейскую культурно-психологическую норму [Семененко-Басин, 2022, с. 39, 44–45].

В главе I монографии И. В. Семененко-Басин подробно описывает издательские инициативы Ф. П. Гааза. Все работы, отбираемые медиком для публикации и распространения, отличает акцент на сострадании и братской любви между христианами, призыв к взаимному прощению обид, умалению собственной воли перед волей Господа Бога. Особенно выделяется издание «Призыв к женщинам», пропущенное в печать не без проблем уже в эпоху так называемого «цензурного террора». Семененко-Басин отмечает, что понимание Гаазом предназначения женщины-христианки соответствовало идеям французского подвижника Винсента де Поля, который еще в XVII веке возложил именно на светских женщин миссию служения заключенным, нищим, отверженным [Семененко-Басин, 2022, с. 90]. Анализ содержания «Призыва...» позволяет автору прийти к выводу, что этот текст «можно считать самосвидетельством доктора Гааза»: призывая русскую женщину обратиться, нравственно исцелить свою семью и заняться благотворительностью, медик-филантроп ожидал от нее ровно того же, чем руководствовался в деятельности сам — ответить Богу на Его любовь поступками социальной любви.

В главе II И. В. Семененко-Басин не только удачно вписал историю конкретных книгоиздательских проектов в культурно-исторический и биографический контекст, но и расширил восприятие образа тюремного врача и понимание глубинных основ его филантропической деятельности. В книге справедливо отмечено, что биография Ф. П. Гааза, воссозданная А. Ф. Кони, долгое время оставалась «центром тяжести» всех существующих исследований. «Тонкая настройка» образа медика-филантропа, задействовавшая различные культурные коды и преследовавшая ряд конкретных задач (следование целям отечественной пенитенциарной реформы, проблема страданий уязвимых групп населения, персонифицированный урок социальной этики и т. п.) [Семененко-Басин, 2022, с. 127–128], способствовала, с одной стороны, необычайной посмертной популярности Гааза, но с другой — генерации определенного литературно-художественного облика. Недостатком книги Кони является почти полное отсутствие отсылок к использованным источникам. Семененко-Басину, с опорой на внушительный библиографический аппарат и многочисленные материалы архивных и рукописных фондов, удалось не только объективно реконструировать образ Гааза как личности, но и показать основные этапы эволюции тюремной благотворительности в России. Литературный портрет врача, созданный Кони, — образ «Дон Кихота в России», эксцентричного чудака, спешащего на помощь к последнему грешнику, — на наш взгляд, дополнен такими значимыми интегративными характеристиками личности, как открытое мышление (в том числе политическое), протоэкуменизм, библицизм (понимаемый автором как набожное отношение к Писанию, слову Самого Бога, обращенному непосредственно к читателю), стремление к аскетике [Там же, с. 114–117].

Особую ценность, по нашему мнению, представляет предположение автора о том, что путь Ф. П. Гааза — это не столько пример героического, но одинокого подвижничества медика-филантропа, «одиночки-энтузиаста» (как было принято в ранних исследованиях), но результат деятельности Тюремного комитета как института [Семененко-Басин, 2022, с. 18]. Подобное подвижничество было более характерно для западных стран, где развитие гражданского общества в рассматриваемый период находилось на более высокой ступени. Одиночкой-энтузиастом, религиозным мистиком и неутомимым евангелистом был Джон Говард, но даже его инициативы обрели популярность и славу после работы в парламентском комитете по подготовке пенитенциарного статута 1779 года.

В начале XIX века российское гражданское общество по сравнению с британским представляло собой «неразумного младенца». Государство доминировало в социальной и экономической сферах, превалировало в иерархии ценностей россиян, являлось верховным арбитром и гарантом прав и обязанностей. Любая инициатива энтузиастов могла получить развитие только посредством структуры, встроеной в государственный управленческий аппарат. Даже учрежденное в 1819 году с чисто филантропическими целями Общество попечительное о тюрьмах очень быстро эволюционировало в хозяйственно-распорядительную структуру. По свидетельству В. Н. Никитина, подготовившего первый исторический обзор и анализ становления российского общества, «вместо

преследования заданной ему специальной задачи — пецись лишь о моральном исправлении заключенных, с первого же приступа к ним принялось улучшать материальное их положение по той, естественной, разумеется, причине, что, столкнувшись с незнакомою действительностью, Общество убедилось в том, что никакое благоприятное влияние на заключенных немисливо до тех пор, покуда они будут жить в смрадных, холодных и сырых казематах, в тесноте, впроголодь и подвергаться, при том же, истязанием рогатками, цепями и стульями» [Никитин, 1880, с. 29–30]. Стало очевидно, что задачи, вставшие перед благотворительным обществом, невозможно решить без активного государственного вмешательства: организация нравственных программ и духовного попечения о заключенных в условиях неререформированных российских тюрем представлялась нереальной задачей.

В течение царствования Николая I происходит сначала де-факто, а позже де-юре изменение характера деятельности, а впоследствии и статуса тюремных комитетов, которые постепенно получили функции и права тюремного управления. Зона ответственности тюремных комитетов постепенно расширялась, в основном — за счет хозяйственных и распорядительных обязанностей, выходя далеко за рамки благотворительности и филантропии. В период деятельности Ф. П. Гааза сфера деятельности Общества (по сравнению с Правилами 1819 года) была значительно расширена и включала в себя внутреннее устройство мест заключения, обеспечение продовольствием, одеждой и обувью, организацию медицинского обслуживания и надзор за тюремными больницами, сооружение тюремных церквей и содержание тюремных священников, выкуп заключаемых за долги и ряд других обязанностей. Так Общество попечительное о тюрьмах превратилось в хозяйственно-распорядительный орган, потому что стало получать в заведование казенные суммы. Не умаляя достоинств доктора Гааза, предположим, что его инициативы получали поддержку, финансовые вложения благотворителей, благосклонное отношение к книгоиздательской деятельности римокатолика со стороны православных цензоров именно как инициативы члена Тюремного комитета Общества попечительного о тюрьмах.

Заключение

В целом монографическое исследование И. В. Семеновко-Басина расширяет историческое знание о рассматриваемой эпохе, позволяет обогатить современную историю отечественной уголовно-исполнительной системы новыми интересными фактами, уникальным биографическим материалом. В апреле 1829 года Ф. П. Гааз обратился к московскому генерал-губернатору с ходатайством об освидетельствовании состояния здоровья всех находившихся в Москве арестантов. Этот поступок в дальнейшем нашел отражение в приказе Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России от 22 марта 2011 года «Об объявлении дня медицинской службы уголовно-исполнительной системы», который отмечается 14 апреля. Также в 2005 году приказом ФСИН учреждена медаль Федора Гааза за большой вклад в развитие здравоохранения уголовно-исполнительной системы России [Пертли, 2020, с. 84, 93]. Материалы книги, безусловно, помогут создать «персонифицированный урок» социальной, христианской и профессиональной этики в современной системе воспитательной работы с сотрудниками пенитенциарной системы России.

Список источников

1. Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2002. — 439 с.
2. Генри М. Толкование Ветхого и Нового Заветов // Библия онлайн. — URL : <https://bible.by/matthew-henry/> (дата обращения: 01.12.2022).
3. Инструкция смотрителю тюремного замка. — Пермь : Тип. губернского правления, 1882. — 25 с.
4. Кони А. Ф. Федор Петрович Гааз: биографический очерк // Собрание сочинений : в 8 т. — М., 1968. — Т. 5. — С. 288–422.
5. Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560–1880. — СПб. : Тип. Г. Шпарварт, 1880. — 674 с.
6. Об учреждении в России Попечительного общества о тюрьмах // Полное собрание законов Российской империи. — Ч. I. — Т. XXXVI, № 27895. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. — 735 с.
7. Пертли Л. В., Александрова И. Э. Ф. П. Гааз — основоположник пенитенциарной медицины // Федор Петрович Гааз, Россия, Москва, Малый казенный переулоч: путь милосердия и сострадания страждущим : сб. ст. / под общ. ред. Р. В. Кучмы. — М., 2020. — С. 79–94.

8. Репина Л. П. Новая биографическая история // Диалог со временем. — 2001. — Вып. 5. — С. 5–12.
9. Репина Л. П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы : сб. науч. ст. Сер. «Человек второго плана в истории» / отв. ред. Л. П. Репина. — СПб. : Алетея, 2010. — С. 5–18.
10. Семенов-Басин И. В. Доктор Гааз и христианская книга. — М. : ЯСК, 2022. — 192 с.
11. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. — СПб. : Тип. Мин-ва путей сообщения (А. Бенке), 1889. — 503 с.
12. Aitkin D. A General Reformation of Manners, the best national defense in the time of danger. A sermon preached on the 28th of February; the day appointed by His Majesty for a public fast. — Berwic : Printed by W. Phorson, 1794. — 30 p.
13. Beattie J. M. Crime and the Courts in England 1660–1800. — Oxford : Clarendon Press, 1986. — 663 p.
14. Bentham J. A View of the Hard-Labour Bill, Being an Abstract of a Pamphlet, Intituled, “Draught of a Bill, to Punish by Imprisonment and Hard-Labour, Certain Offenders’ and to Establish Proper Places for their Reception”. Interspersed with Observations Relative to the Subject of the Above Draught in Particular, and to Penal Jurisprudence in General. — L. : T. Payne, 1778. — 114 p.
15. Haakonssen L. Medicine and Morals in the Enlightenment: John Gregory, Thomas Percival and Benjamin Rush. — Amsterdam : Ed. Rodopi, 1997. — 247 p.
16. Howard J. The State of the Prisons in England and Wales. — 4th ed. — L. : J. Johnson, C. Dilly, and T. Cadell, 1792. — 540 p.
17. Report on the International Penitentiary Congress of London, held July 3–13, 1872. — Washington : Government printing office, 1873. — 493 p.
18. The Oxford History of the Prison. The practice of punishment in Western society / ed. N. Morris, D. Rothman. — N. Y. : Oxford University Press, 1995. — 425 p.

References

1. Vishlenkova E. A. *Zabotyas o dushakh poddannyykh: religioznaya politika v Rossii pervoy chetverti XIX veka* [Taking care of the citizens’ souls: religious strategy in Russia in the first quarter of the 19th century]. Saratov, Saratov University Publ., 2002, 439 p. (In Russian).
2. Henry M. Interpretation of the Old and New Testaments. Bible online. Available at : <https://bible.by/matthew-henry/> (accessed: 01.12.2022). (In Russian).
3. *Instruktsiya smotritelyu tyuremnogo zamka* [Instructions to the caretaker of the prison castle]. Perm: Governorate Publ., 1882, 25 p. (In Russian).
4. Koni A. F. Fedor Petrovich Haas: a biographical sketch. *Sobraniye sochineniy: v 8 t.* [Coll. Works: in 8 vols.]. Moscow, 1968, vol. 5, pp. 288–422. (In Russian).
5. Nikitin V. N. *Tyurma i ssylka. Istoricheskoye, zakonodatelnoye, administrativnoye i bytovoye polozheniye zaklyuchennykh, peresylnykh, ikh detey i osvobodivshykh iz pod strazhi, so vremeni vozniknoveniya russkoy tyurmy do nashikh dney. 1560–1880* [Prison and exile. The historical, legislative, administrative and everyday situation of prisoners, transferees, their children and those released from custody, from the time of the emergence of the Russian prison to the present day. 1560–1880]. St. Petersburg, G. Shparvart Publ., 1880, 674 p. (In Russian).
6. *Ob uchrezhdenii v Rossii Popechitel'nogo obshchestva o tyurmakh. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii, CH. I, T. KHKHKHVI, no. 27895* [On the establishment in Russia of the Guardianship Society for Prisons]. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Part I, vol. XXXVI, no. 27895, St. Petersburg, II Department of Imperial Chancellery Publ., 1830, 735 p. (In Russian).
7. Pertli L. V., Alexandrova I. E. F. P. Haas — the founder of penitentiary medicine. *Fedor Petrovich Gaaz, Rossiya, Moskva, Maliy Kazyonny pereulok: put miloserdiya i sostradaniya strazhdushchim: sb. st. Pod obshch. red. R. V. Kuchmy* [Fedor Petrovich Haas, Russia, Moscow, Maly Kazyonny Lane: the path of mercy and compassion for sufferers: coll. of articles. Gen. ed. R. V. Kuchma]. Moscow, 2020, pp. 79–94. (In Russian).
8. Repina L. P. New biographical history. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. 2001, iss. 5, pp. 5–12. (In Russian).
9. Repina L. P. From historical biography to biographical history. *V teni velikikh: obrazy i sudby: sb. nauch. st. Ser. “Chelovek vtorogo plana v istorii”. Otv. red. L. P. Repina* [In the shadow of the great: images and fates: collection of articles. Ser. “A second-row person in history”. Rev. ed. L. P. Repina]. St. Petersburg, Aletheia, 2010, pp. 5–18. (In Russian).
10. Semenenko-Basin I. V. *Doktor Gaaz i khristianskaya kniga* [Doctor Haas and the Christian book]. Moscow, YaSK, 2022, 192 p. (In Russian).
11. Foinitsky I. Ya. *Ucheniye o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniyem* [The doctrine of punishment in connection with prison management]. St. Petersburg, Ministry of Railways Publ. (A. Benke), 1889, 503 p. (In Russian).

12. Aitkin D. *A General Reformation of Manners, the best national defense in the time of danger. A sermon preached on the 28th of February; the day appointed by His Majesty for a public fast.* Berwic, Printed by W. Phorson, 1794, 30 p.
13. Beattie J. M. *Crime and the Courts in England 1660–1800.* Oxford, Clarendon Press, 1986, 663 p.
14. Bentham J. *A View of the Hard-Labour Bill, Being an Abstract of a Pamphlet, Intituled, “Draught of a Bill, to Punish by Imprisonment and Hard-Labour, Certain Offenders, and to Establish Proper Places for their Reception”. Interspersed with Observations Relative to the Subject of the Above Draught in Particular, and to Penal Jurisprudence in General.* London, T. Payne, 1778, 114 p.
15. Haakonssen L. *Medicine and Morals in the Enlightenment: John Gregory, Thomas Percival and Benjamin Rush.* Amsterdam, Ed. Rodopi, 1997, 247 p.
16. Howard J. *The State of the Prisons in England and Wales, 4th ed.* London, J. Johnson, C. Dilly, and T. Cadell, 1792, 540 p.
17. *Report on the International Penitentiary Congress of London, held July 3–13, 1872,* Washington. Government printing office, 1873, 493 p.
18. *The Oxford History of the Prison. The practice of punishment in Western society.* Ed. N. Morris, D. Rothman, New York, Oxford University Press, 1995, 425 p.

Информация об авторе

Васильева Светлана Анатольевна — доктор исторических наук, доцент, полковник внутренней службы, профессор кафедры философии и истории Академии ФСИН России.
Сфера научных интересов: история пенитенциарной системы (международный аспект).

Information about the author

Vasilyeva Svetlana Anatolyevna — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Colonel of the Internal Service, Professor of the Department of Philosophy and History, Academy of FPS of Russia.
Research interests: history of the penitentiary system (international aspect).

Статья поступила в редакцию 10.12.2022; принята к публикации 25.12.2022.

The article was submitted 10.12.2022; accepted for publication 25.12.2022.